
УДК 316.1

DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.05

ДОЛГОВ А.Ю.* СОЦИОЛОГИЯ ТЕЛА В ПОСТГЕНОМНУЮ ЭПОХУ. (Обзор)¹

Аннотация. Обзор посвящен описанию работ социологов и социальных антропологов, в которых исследуется понимание тела в контексте развития генетического знания и технологий. Рассматриваются следующие основные вопросы: как соотносятся биологическое и социальное знания; как тело определяется через знания о генах в науке и в обыденных представлениях; как технологии визуализации репрезентуют тело; как обычные люди участвуют в осмыслении генетической информации; как новые технологии биоидентификации обеспечивают социальный контроль. В заключение отмечается, что социальные исследования могут расширить ограниченную механистическую генетическую модель описания тела.

Ключевые слова: тело; социология тела; генетика; геномная медицина; биология; воплощение; здоровье и болезнь; социальное регулирование тела.

Для цитирования: Долгов А.Ю. Социология тела в постгеномную эпоху. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». E-mail: adolgov@ionion.ru

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда по проекту № 19-18-00422.

зарубежная литература. Сер. 11. Социология. – 2022. – № 3. – С. 70–85.
DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.05

DOLGOV A.Yu. ** A sociology of the body in the postgenomic age.
(Literature review)

Abstract. The review examines the works of sociologists and social anthropologists that explore the understanding of the body in the context of the growth of genetic knowledge and technology. The following main issues are considered: how biological and social knowledge is related; how the body is defined through knowledge about genes in science and routine representations; how digital imagery technologies represent the body; how ordinary people participate in making sense of genetic information; how new technologies of bio-identification provide social control. It is concluded that social research can enrich the limited mechanistic genetic model of body description.

Keywords: body; sociology of the body; genetics; genomic medicine; biology; embodiment; health and illness; social regulation of the body.

For citation: Dolgov A.Yu. A sociology of the body in the postgenomic age. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2022. – N 3. – P. 70–85. DOI: 10.31249/rsoc/2022.03.05

Тело как объект социологических исследований неоднократно меняло свою степень «видимости» и «присутствия» в работах социологов. Это зависело в том числе от того, как складывались отношения между биологией и социологией. В разные периоды эти отношения приобретали характер то сближения¹, то

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics». E-mail: adolgov@inion.ru

¹ Ярким примером такого сближения является возникновение социобиологии (см., например: Wilson E.O. Sociobiology : the new synthesis. – Cambridge (MA) : Belknap press, 1975). Другой недавний пример – эпигенетика (см. об этом далее в обзоре).

неприятия: так, очевидный интерес Огюста Конта и Герберта Спенсера к биологии как к «руководству для подготовки социологии» сменился явным антибиологизмом «отцов-основателей» социологии Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера [Meloni, 2014, p. 733]. В дальнейшем интерес к телу в социологии необязательно был связан с биологией: классики фундаментальной социологической теории, утверждая автономность своей дисциплины, создавали концептуализации телесности без опоры на биологическое знание. Такие «небиологические» версии социологии тела в XX в. предложили, например, Ирвинг Гофман, анализирувавший, как люди управляют своим телом в ситуациях взаимодействия лицом-к-лицу, и Пьер Бурдьё, который через понятия практик и габитуса показал, как социальная структура инкорпорируется в тело. Тем не менее интерес социологов к телу не был устойчивым и последовательным, поэтому Крис Шиллинг назвал такое положение дел «отсутствующим присутствием» тела в социологии [Shilling, 2003].

В XX в. были сделаны важные открытия в молекулярной биологии, нейронауке, иммунологии, что повлияло не только на медицину и науки о человеке, но и на обыденные представления людей об их происхождении, родственных связях, теле, идентичности, здоровье и болезни. Генетика предложила новый взгляд не только на человека, но и на мир в целом. Как отмечает иммунолог и популяризатор науки Дэниэл Дэвис, «тот факт, что мы разделяем огромную часть нашей ДНК с шимпанзе и даже с плодовой мухой, глубоко связывает нас со всей жизнью на Земле» [Davis, 2021, p. 8].

С появлением генетики и технологий, которые могут анализировать и визуализировать хромосомы и точные последовательности нуклеотидов в образцах ДНК, поиск причин заболеваний и особенностей тела сосредоточился не на органах, а на фундаментальных операционных кодах, обнаруженных в каждой клетке тела [Raspberry, Skinner, 2007, p. 356]. Такой медицинский взгляд направлен не только на самого человека, столкнувшегося с телесными недугами; он также обращен к наследственному здоровью и затрагивает биологическое родство в большей степени, чем это было в медицинской практике прошлого [ibid.]. Кроме того, генетика произвела и закрепила новые метафоры тела как в научном, так и в повседневном языках: тело как текст, тело как носитель

зашифрованной информации, тело как код, тело как пароль. Теперь тело можно «расшифровать», «взломать», «скопировать» и «перекодировать».

Вместе с этим шла экспансия биологического знания в социальные науки. Например, нейронаучные исследования, как пишет Фернандо Видаль, стали претендовать на установление эпистемической иерархии, в которой «нейробиологический подход стоит над другими формами исследования и знания, поскольку нейронаука полностью объясняет психологические, социальные и культурные феномены» [Видаль, 2020, с. 12]. Генетика тоже способна предложить универсальную модель объяснения всего живого на земле и претендовать на верховенство в эпистемической иерархии. Безусловно, социальные науки не могли не отреагировать на этот вызов биологического детерминизма и редукционизма. Одна из областей, вынужденная значительно переосмыслить свой исследовательский объект, – это социология тела.

Сара Неттлтон, специалистка по социологии медицины из Йоркского университета (Великобритания), выделяет три основных социологических направления при изучении тела [Nettleton, 2001, р. 44]. Первое сфокусировано на социальном регулировании тела – на том, как социальные институты регулируют и контролируют наши тела. Это направление наиболее ярко проявилось в феминистских дебатах о медицинском контроле за женскими телами, а также в обсуждении таких тем, как эвтаназия, трансплантация органов, аборт [ibid.]. Второе направление сфокусировано на онтологии тела. Оно пытается дать ответ на вопрос, чем действительно является тело: оно лишь социальный конструкт или все же есть определенные объективные телесные характеристики, такие как привычки, походка, телосложение, на которые влияют социальные и культурные факторы [ibid.]. Третье направление заостряет внимание на том, как тело ощущается или переживается [ibid.]. При таком феноменологическом взгляде на тело исследователи описывают его не просто как социально формируемый объект, но как воплощенного актора, из-за чего эту область исследований вернее будет назвать социологией воплощения (*sociology of embodiment*), а не социологией тела. Акцент здесь делается на «живущем теле», которое мы ощущаем на практике и посредством которого можем воспринимать внешние события и ситуации. Ге-

нетическое знание, как будет далее показано в обзоре публикаций, безусловно, повлияло на все три эти направления исследований.

Говоря о растущем объеме знаний о теле, С. Неттлтон указывает на парадоксальное положение: чем больше знаний и информации о телах мы накапливаем, тем более неопределенными становятся наши представления о том, что такое тело на самом деле, каковы границы телесного [Nettleton, 2001, p. 43]. Схожую идею о растущей неопределенности формулирует американский генетик Рид Пайериц, он утверждает, что поскольку «наша способность исследовать человеческий геном на все более детализированных уровнях возрастает, возрастает и вероятность столкнуться с неопределенностью значения полученной информации» [Pyeritz, 2017, p. 133]. Однако неопределенность в случае с генетическими знаниями и технологиями сосуществует с представлениями о предопределенности, их С. Неттлтон условно обозначает тезисом «биология – это наша судьба», имея в виду то, что в перспективе медицина сможет с высокой степенью точности предсказывать предрасположенность людей к широкому спектру заболеваний [Nettleton, 2001, p. 57]. Д. Дэвис отмечает, что сложность человеческого тела состоит в том, что его можно изучить только часть за частью, механизм за механизмом, но пока научные сообщества чаще всего делают это изолированно друг от друга [Davis, 2021, p. 6]. Добавим, что не менее важным является понимание не только биологических процессов, но и социальных и культурных факторов, влияющих на человека. Таким образом, в случае с телом мы имеем дело со сложным клубком деталей и нюансов, распутывать его помогают не только биологи, но и социальные ученые.

Британские социологи Стиви Джексон (Университет Стратклайда) и Сью Скотт (Йоркский университет) отмечают, что за три последние десятилетия тело все чаще стало рассматриваться не просто как фиксированная биологическая основа человеческого существования, но как социально формируемое и управляемое, а также как фундаментальная категория социального взаимодействия и идентичности [Jackson, Scott, 2014, p. 563]. В то же время получили распространение новые формы биологического детерминизма, в первую очередь – эволюционная психология и эссенциалистские версии нейронауки и генетики, которые могли свести не только тело, но и все социальное к биологическим основаниям.

Социология, отмечают С. Джексон и С. Скотт, может противостоять преобладанию биологического редукционизма в публичном дискурсе [Jackson, Scott, 2014, p. 563]. Они рассматривают эту проблему на примере объяснения ожирения через генетику, когда односторонний биологический подход не учитывает экономические, экологические, реляционные и биографические аспекты ожирения.

Авторы отмечают, что существует тенденция сближения социального и биологического знания, чему способствовала, например эпигенетика. Открытия в области эпигенетики предполагают, что гены могут быть изменены окружающей средой за более короткие промежутки времени, чем это допускали предыдущие теории эволюции, так что наша генетическая наследственность может быть отчасти продуктом социальных условий, существовавших всего несколько поколений назад [Jackson, Scott, 2014, p. 573].

Критикуя биологический детерминизм, С. Джексон и С. Скотт подчеркивают, что они не отрицают материальность тел, но утверждают, что эта материальность социально опосредована. Социологический взгляд на тело, полагают они, должен учитывать материальное в другом смысле – как последствия материальных социально-экономических условий жизни для человеческих тел [ibid., p. 578]. Таким образом, физическое тело всегда является продуктом как генетической данности, так и социальных и культурных факторов. Физическое тело социально и в другом, фундаментальном отношении. Признавая ограничения и возможности, вытекающие из анатомии и физиологии человека, С. Джексон и С. Скотт указывают, что тела сами по себе не имеют смысла. Они пишут: «Мы воплощены в социальных контекстах, которые сильно влияют на то, как мы ощущаем и переживаем свое собственное и чужие тела, и как воплощение проявляется в социальном взаимодействии. Именно благодаря телесным способностям, таким как зрение и слух, мы распознаем других и взаимодействуем с ними, а благодаря телесному восприятию, сформированному рефлексивным, социально обусловленным опытом, мы распознаем других как определенные категории людей, разделенные по полу, расе, классу» [Jackson, Scott, 2014, p. 578–579].

Маурицио Мелони (Университет Дикина, Австралия) также пишет о том, что с начала XXI в. биология человека стала казаться

более восприимчивой и, возможно, уязвимой к воздействию биофизической среды и социокультурного опыта [Meloni, 2019]. С 2000-х годов в нейронауке и эпигенетике можно зафиксировать тенденции отхода от представлений о биологической неизменности к идеям «пластичности» биологического материала – идеям, которые были менее востребованы на протяжении большей части XX в., в период доминирования первых генетических моделей объяснения. Теперь речь не идет о жесткой биологической запрограммированности людей: экспрессия генов, структуры мозга и биологические тела понимаются как «изменяемые и способные модифицировать себя в ответ на давление изнутри и снаружи самого тела» [ibid., p. IX–X].

Эту модель можно назвать пластичной, указывает М. Мелони, потому что кожа теперь не непреодолимая стена, а, скорее, одна из точек входа для бесчисленных микробиомных обменов; наш геном чувствителен к сигналам из окружающей среды, и каждое поколение теперь может повлиять на наследственность потомков. Однако это очень неоднозначная пластичность, считает М. Мелони. Она способна подорвать атомистические и изолированные модели тела в пользу более реляционных представлений о личности и автономии, выходящих за рамки понятий обладания и контроля за собственным телом [Meloni, 2019, p. 160]. Влияние биологической наследственности при такой пластичности, считает М. Мелони, точно не ниже, как на то указывала генетика XX в., поскольку на людей накладывается ответственность за их образ жизни, который может повлиять на будущие поколения. Ведь если наш геном понимается как восприимчивый к нынешним и прошлым социальным событиям, то необходимы повседневные действия и постоянное внимание к телу, которые генетика XX в. еще не предполагала [ibid., p. 139].

Элизабет Этторре (Ливерпульский университет, Великобритания) фокусируется на тезисе о том, что наука о генетике является частью дисциплинарного процесса, предлагающего ограниченное представление о человеческом теле. Она сосредотачивает свой критический анализ на репродуктивной генетике, под ней понимается использование ДНК-технологий для медицинского наблюдения за репродуктивным процессом [Ettorre, 2002, p. 238]. Это понятие, по мысли автора, предполагает, что сложные социальные и

культурные процессы вовлечены в организацию и использование генетических тестов для пренатальной диагностики, идентифицированной как сложная социотехнологическая система [ibid.].

Проведя качественное исследование отчетов экспертов об использовании пренатального генетического скрининга в четырех европейских странах: Великобритании, Финляндии, Нидерландах и Греции – и собрав 45 интервью с экспертами из этих стран, Э. Этторе приходит к выводу, что в репродуктивной генетике преобладает механистический подход к телу. Она также отмечает, что тело, на котором фокусируется генетика, это чаще всего женское тело. Именно женское тело попадает в «паутину контроля» [ibid., p. 246], а концепции и идеи, используемые в репродуктивной генетике, по-видимому, налагают больше ограничений на женские тела, чем на мужские [ibid., p. 247].

Исследовательница считает, что «тела необходимо рассматривать как объекты, в которых сходятся знания о генах, плоде, репродуктивных функциях и универсализирующей системе медицинского контроля, а не как гендерно нейтральные, недетерминированные системы» [Ettorre, 2002, p. 245]. Иными словами, тела политизированы. Тело занимает центральное место в дискурсе генетики, поэтому надо понять, почему специфические генетические метафоры были необходимы не только как риторические инструменты, но и как активные агенты в формировании генетического «морального порядка» [ibid.]. Распространение генетических метафор привело к тому, что именно гены, а не тела, вписанные в культуру, оказались в центре внимания как ученых, так и общественности; и именно гены стали фундаментальными для объяснения социальной деятельности. Биология, таким образом, выходит на первый план, культура отходит на второй, если вообще не игнорируется.

Дженис Маклафлин (Ньюкаслский университет, Великобритания) в своей работе обращается к визуализации диагностики в педиатрической генетике. Уровень детализации, доступный благодаря технологиям, позволяет провести дородовое выявление патологий, что раньше было невозможно. Однако это вызывает вопросы о том, расширяют ли эти формы генетической диагностики и цифровой визуализации возможности медицины для определения тела как больного – независимо от наличия симптомов [McLaugh-

lin, 2014, p. 216]. Дж. Маклафлин предостерегает от придания слишком большого значения цифровым изображениям, показывая, что выведенные на мониторы образы – это только один из источников визуализации, имеющих отношение к тому, как читается и понимается тело ребенка.

Данные полевых исследований в работе Дж. Маклафлин были получены путем сочетания качественных лонгитюдных интервью и невключенных наблюдений в ходе клинических и неклинических встреч. Те 26 семей, которые удалось изучить, также поделились с исследовательницей материалами, полученными от генетической службы. Кроме того, у информантов была возможность записывать свои истории в журналы, включать в них рисунки и мысли о том, что для них значат семья и генетика [ibid., p. 220–221].

Дж. Маклафлин отмечает, что визуализация является важным медицинским инструментом и она способна доминировать над другими способами познания тела. В цитогенетике¹, которую она рассматривает, динамика визуализации смещается от изучения внутренней или внешней части тела к анализу компьютерных диаграмм, отображающих хромосомные аномалии [McLaughlin, 2014, p. 217]. Медицинские инструменты позволили врачам манипулировать человеческим телом и освободили их от зависимости от пациентов, сообщающих, «где у них болит» [ibid.]. Теперь врачи могут заглянуть внутрь тела без рассказа пациентов. Дж. Маклафлин считает, что одной лишь визуализации при этом недостаточно – необходимо исследовать взаимодействие между телами, визуализациями и другими материальными объектами и акторами, участвующими в создании смысла полученной информации [ibid., p. 218]. В создании такого смысла активное участие принимают сами пациенты, задействующие для этого семейные знания и опыт.

Таким образом, тело является и материальным, и социальным, подчеркивает Дж. Маклафлин. Смысл и самость создаются посредством нашего воплощенного взаимодействия с социальными мирами, в которых мы живем, включая объекты, технологии,

¹ Цитогенетика – раздел генетики, исследующий явления наследственности и изменчивости организмов в связи с их клеточными структурами и прежде всего хромосомами. См.: *Тарантул В.З.* Геном человека : энциклопедия, написанная четырьмя буквами. – Москва : Языки славянской культуры, 2003. – С. 386.

социальные контексты и физические пространства, составляющие эти миры. Значит, для того, чтобы понять, могут ли цифровые диаграммы ДНК иметь социальный смысл, мы должны думать о них только как о части того, как определяются тела. Какую роль они сыграют, будет зависеть от реляционных сетей, в которые они включены [McLaughlin, 2014, p. 219].

Цифровые диаграммы не могут с точностью сказать, что ждет детей с генетическими заболеваниями, только наблюдение за их развитием даст ключ к разгадке этого в будущем. Микроанализ крови дает только одну версию того, что будет с такими детьми, но эта версия ограничена рамками технического описания. Таким образом, значение цифровых диаграмм подрывается их текущей неспособностью предсказывать будущие возможности. Но неопределенность значения диаграммы оставляет для родителей открытой возможность того, что именно их забота о своем ребенке, а не генетика, сыграет роль в будущем [ibid., p. 225]. То есть у родителей оставалось пространство, чтобы относиться к телам своих детей не просто как к заранее предопределенным линиям и точкам диаграммы. В результате, заключает Дж. Маклафлин, очарование разноцветными свечениями и графическим отображением мельчайших фрагментов ДНК не должно затмить повседневное присутствие реального тела со всем присущим ему многообразием смыслов и отношений [McLaughlin, 2014, p. 227–228].

Сахра Гиббон (Университетский колледж Лондона, Великобритания) тоже обращается к исследованию контекстуальности генетического знания и технологий, показывая, как биология локализуется на примере генетики рака в Бразилии. С. Гиббон провела этнографическое полевое исследование в городских районах на юге Бразилии, где она работала вместе с пациентами, семьями и практикующими врачами в онкологических генетических клиниках. Она показала, как генетика рака в Бразилии формируется не только взаимодействием и артикуляцией различных местных биологических систем, но и тем, как они перемещаются по разным сферам и масштабам социального действия, расширяя и/или трансформируя значение биологического [Gibbon, 2017, p. 175].

Локализация, как выяснила С. Гиббон, проявляется в исследовательских усилиях по достижению национальных приоритетов в области общественного здравоохранения посредством трансна-

ционального сотрудничества, в непредвиденных обстоятельствах клинической практики и в том, как воплощенный риск понимается и определяется пациентами и их семьями. Не менее важным фактором, влияющим на биологические исследования и клинические практики, является неравенство в доступе к медицинской помощи [Gibbon, 2017, p. 184].

Исследовательницы из Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) Келли Распберри и Дебра Скиннер отмечают, что хотя важность генетики в том, как понимаются здоровье, болезнь, идентичность, родственные отношения и тело, возрастает, существуют также и другие модели объяснения, выходящие за ее рамки [Raspberry, Skinner, 2007]. Чтобы понять, как именно люди описывают свое тело в рамках генетических знаний, исследовательницы проинтервьюировали 106 родителей или потенциальных родителей детей с известными или предполагаемыми генетическими нарушениями. В ходе интервью было выявлено то, что они называли «воображаемой генетикой» этих родителей [ibid., p. 361]. К. Распберри и Д. Скиннер считают, что информанты воспринимают расстройства своих детей с точки зрения «генетического тела», у которого есть два основных качества: ощущение предопределенного здоровья и болезни и осознание глубокой историчности, уходящей в прошлое и простирающейся в настоящее и будущее. Таким образом, информанты воспринимают «генетическое тело» как фиксированное и историчное, но также озвучивают и идеи «генетического тела», которое является менее детерминированным благодаря их собственным усилиям и будущим возможностям [ibid.].

Описывая «генетическое тело», К. Распберри и Д. Скиннер опираются на теоретическую рамку, в которой «тела – это и то, что у нас есть, и то, чем мы являемся» [Raspberry, Skinner, 2007, p. 359]. Развивая такое понимание, они используют теорию воплощения, согласно ей тело локализуется в исторически определенных условиях времени, места и обстоятельств [ibid.]. Так, семьи, где был установлен диагноз генетического заболевания, часто описывали здоровье как предопределенное. В этих случаях «тело, здоровье и существование человека в мире проходят через процесс генетизации, становясь сцепленными с генетическим заболеванием» [ibid., p. 371]. Родители называли собственные генетические

нарушения или генетические нарушения своих детей «частью того, кем они являются», «воплощенным и фиксированным аспектами их идентичности, возникшими в результате знания их генетического строения» [Raspberry, Skinner, 2007].

Генетический диагноз или его поиск, продолжают К. Распберри и Д. Скиннер, подталкивают людей и их родственников переосмысливать себя, свое тело и свое здоровье с точки зрения молекулярных структур и сравнивать себя с другими – с теми, с кем они связаны генетически. Люди в попытках разобраться с диагнозом и понять, как им жить дальше, начинают осознавать, что существует детерминированность, фиксированное свойство гена, что заставляет их переосмысливать своих предков и нынешних родственников в свете генетического расстройства. Но вместе с этим осознанием генетического детерминизма возникает также оптимизм и проекция в будущее семейной истории [Raspberry, Skinner, 2007, p. 377]. К. Распберри и Д. Скиннер делают вывод, что «воображаемая генетика», существующая в рамках господствующих научных нарративов о прогрессе или возникающая в ответ на здоровье члена семьи, будет по-прежнему формироваться геномными открытиями и технологиями, а также воплощенным опытом людей в области клинической генетики [ibid., p. 384].

К. Распберри и Д. Скиннер в своей статье также упоминают дискуссии о влиянии генетики на представления о теле, в которых обсуждаются текучесть границ тела и его конструирование и особенно аспекты фрагментации и коммодификации частей, материалов и информации тела [ibid., p. 360]. Речь идет о представлениях, согласно которым информацию, извлеченную из тела, можно затем использовать для обозначения человека в целом. На этой проблеме заостряет внимание Катя Франко Аас (Университет Осло, Норвегия), она показывает, как биотехнологическое наблюдение за телом постепенно становится основным способом идентификации, а также механизмом социальной эксклюзии в позднем модерне [Aas, 2006].

К.Ф. Аас отмечает, что тело в современном мире становится источником информации и идентификации. Например, чтобы установить личность незнакомца, можно использовать сканирование радужной оболочки глаза или базу данных образцов ДНК и отпечатков пальцев, а не выяснять это в разговоре с ним. Тела в

целях проведения идентификации могут функционировать как пароли, и таким образом они могут открывать или закрывать доступ к тем или иным возможностям и привилегиям в зависимости от того, «правильными» или «неправильными» сочтет их технология биоидентификации [Aas, 2006, p. 144–145].

Сторонники использования тела как пароля предполагают, что биометрические данные почти невозможно подделать, потому что наши тела или, скорее, информация, извлеченная из них, являются уникальным маркером идентификации. Тела можно назвать естественными паролями или удостоверениями личности, которые всегда с нами, мы никогда не забудем их дома, хотим этого или нет. Следовательно, тело никогда «не лжет». Но не менее важный вопрос, поставленный К.Ф. Аас, заключается в том, какую именно правду оно «говорит» [ibid., p. 145].

В мире увеличивающихся глобальных потоков людей задача государства по приданию им устойчивых идентичностей становится крайне сложной, и биологические маркеры идентификации становятся важными инструментами деанонимизации. Как и биометрические данные (отпечатки пальцев, радужная оболочка глаз, форма головы и лица и т.д.), ДНК – это «удостоверение личности», которое мы всегда «носим с собой». Эта технология уже широко используется, например в криминалистике при изучении улики с мест преступлений. Идентификация по ДНК в отличие, например от телесного досмотра в аэропорту является менее инвазивной процедурой и вызывает незначительный физический дискомфорт, однако она раскрывает тайны тела совершенно иначе. Извлекаемая из тела информация может храниться для будущих нужд, передаваться в другие страны и анализироваться различными должностными лицами, не вызывая дискомфорта у носителей информации, но происходить это может уже без их участия и согласия [ibid., p. 148]. В ДНК-профилях, биометрических сканах, рентгеновских снимках и тестах на наркотики тело является источником стандартизированной и однозначной информации. Такая информация не требует дополнительных объяснений, не нужен перевод с одного языка на другой, не требуется рассказ о себе, в который нужно верить или не верить [ibid., p. 150]. В своих рассуждениях К.Ф. Аас ссылается на М. Фуко, описавшего тела как непослушные и беспорядочные, как что-то, что нужно тренировать и дисциплинировать

с помощью военизированных и институциональных процедур. Теперь же с помощью биотехнологий тела рассматриваются как источник беспрецедентной точности и аккуратности. «Закодированное тело не нужно дисциплинировать, потому что его естественные паттерны сами по себе являются источником порядка», – указывает К.Ф. Аас [Aas, 2006, p. 153–154].

Таким образом, теперь само тело становится источником информации, и рефлексизирующая личность может быть исключена из процесса передачи информации. В условиях недоверия к личности, к ее рассказам только тело может «говорить» нужным образом, используя однозначный и зашифрованный язык кодов и алгоритмов [ibid., 2006, p. 154]. Технологические системы, заключает К.Ф. Аас, больше не обращаются к людям как к «целостным личностям» с когерентными и ситуативными самостью и биографией, а принимают решения на основе единичных биологических признаков [ibid., p. 155].

Подытоживая обзор публикаций о теле, генетике и влиянии на них социальных контекстов, отметим, что тело продолжает оставаться проблематичным объектом исследования как для социальных ученых, так и для представителей естественных наук. Возникают и будут продолжать возникать очень разные версии тела – от научных и философских до клинических и повседневных (подробнее об этом см.: [Мол, 2017]). Генетика (точнее – ее постгеномные версии) тоже предлагает свою версию тела, опираясь при этом как на научные факты и технологические решения, так и на очаровывающие метафоры и другие риторические инструменты. Но монополярный генетический взгляд на тело, несмотря на его прикладные перспективы в понимании здоровья и болезней, будет оставаться однобоким и механистическим. Именно поэтому знания, накопленные в социальных науках, могут значительно расширить и обогатить это одностороннее видение, прояснив многие вопросы, на которые нельзя ответить через редуцирование тела до биологических оснований.

Список литературы

Видаль Ф. Насколько нейронаука значима для наук о человеке? // Социология власти. – 2020. – Т. 32, № 2. – С. 8–12.

Мол А. Множественное тело : онтология в медицинской практике. – Пермь : Гиле Пресс, 2017. – 254 с.

Aas K.F. «The body does not lie» : identity, risk and trust in technoculture // *Crime, media, culture : an international j.* – 2006. – Vol. 2, N 2. – P. 143–158.

Davis D.M. *The secret body : the life-changing new science of human biology.* – Princeton (NJ) : Princeton univ. press, 2021. – XI, 212 p.

Ettorre E. A critical look at the new genetics : conceptualizing the links between reproduction, gender and bodies // *Critical public health.* – 2002. – Vol. 12, N 3. – P. 237–250.

Gibbon S. Entangled local biologies : genetic risk, bodies and inequities in Brazilian cancer genetics // *Anthropology & medicine.* – 2017. – Vol. 24, N 2. – P. 174–188.

Jackson S., Scott S. Sociology of the body and the relation between sociology and biology // *The Palgrave handbook of sociology in Britain* / ed. by J. Holmwood, J. Scott. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 563–587.

McLaughlin J. Digital imagery and child embodiment in paediatric genetics : sources and relationships of meaning // *Sociology.* – 2014. – Vol. 48, N 2. – P. 216–232.

Meloni M. Biology without biologism : social theory in a postgenomic age // *Sociology.* – 2014. – Vol. 48, N 4. – P. 731–746.

Meloni M. *Impressionable biologies : from the archaeology of plasticity to the sociology of epigenetics.* – New York ; London : Routledge, 2019. – XVI, 216 p.

Nettleton S. The sociology of the body // *The Blackwell companion to medical sociology* / ed. by W.C. Cockerham. – Oxford : Blackwell publishers, 2001. – P. 43–63.

Pyeritz R.E. A brief history of uncertainty in medical genetics and genomics // *History of human genetics : aspects of its development and global perspectives* / ed. by H.I. Petermann, P.S. Harper, S. Doetz. – Cham : Springer, 2017. – P. 133–143.

Raspberry K., Skinner D. Experiencing the genetic body : parents' encounters with pediatric clinical genetics // *Medical anthropology.* – 2007. – Vol. 26, N 4. – P. 355–391.

Shilling Ch. *The body and social theory.* – London : SAGE, 2003. – 238 p.

References

Aas K.F. «The body does not lie» : identity, risk and trust in technoculture. *Crime, media, culture : an international j.* – 2006. – Vol. 2, N 2. – P. 143–158.

Davis D.M. *The secret body : the life-changing new science of human biology.* – Princeton (NJ) : Princeton univ. press, 2021. – XI, 212 p.

Ettorre E. A critical look at the new genetics : conceptualizing the links between reproduction, gender and bodies. *Critical public health.* – 2002. – Vol. 12, N 3. – P. 237–250.

Gibbon S. Entangled local biologies : genetic risk, bodies and inequities in Brazilian cancer genetics. *Anthropology & medicine.* – 2017. – Vol. 24, N 2. – P. 174–188.

Jackson S., Scott S. Sociology of the body and the relation between sociology and biology. *The Palgrave handbook of sociology in Britain*. Ed. by J. Holmwood, J. Scott. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – P. 563–587.

McLaughlin J. Digital imagery and child embodiment in paediatric genetics : sources and relationships of meaning. *Sociology*. – 2014. – Vol. 48, N 2. – P. 216–232.

Meloni M. Biology without biologism : social theory in a postgenomic age. *Sociology*. – 2014. – Vol. 48, N 4. – P. 731–746.

Meloni M. *Impressionable biologies : from the archaeology of plasticity to the sociology of epigenetics*. – New York ; London : Routledge, 2019. – XVI, 216 p.

Mol A. *Mnozhestvennoe telo : ontologija v medicinskoj praktike* [The body multiple : ontology in medical practice]. – Perm : Gile Press, 2017. – 254 p. (In Russian)

Nettleton S. The sociology of the body. *The Blackwell companion to medical sociology*. Ed. by W.C. Cockerham. – Oxford : Blackwell publishers, 2001. – P. 43–63.

Pyeritz R.E. A brief history of uncertainty in medical genetics and genomics. *History of human genetics : aspects of its development and global perspectives*. Ed. by H.I. Petermann, P.S. Harper, S. Doetz. – Cham : Springer, 2017. – P. 133–143.

Raspberry K., Skinner D. Experiencing the genetic body : parents' encounters with pediatric clinical genetics. *Medical anthropology*. – 2007. – Vol. 26, N 4. – P. 355–391.

Shilling Ch. *The body and social theory*. – London : SAGE, 2003. – 238 p.

Vidal F. Naskol'ko nejronauka znachima dlja nauk o cheloveke? [How relevant is neuroscience for the human sciences?]. *Sociologija vlasti* [Sociology of power]. – 2020. – Vol. 32, N 2. – P. 8–12 (In Russian)